

Советские иконы: социальный, материальный и религиозный феномен эпохи СССР

Советские иконы и материальная религия эпохи коммунизма

ДМИТРИЙ И. АНТОНОВ

Рекомендация для цитирования:

Антонов Д. И. Советские иконы и материальная религия эпохи коммунизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(3). С. 7–26.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-7-26>

For citations:

Antonov, D. I. (2024) "Soviet icons and the material religion of the Communist era", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 42(3): 7–26.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-7-26>

Поступила в редакцию: 18.05.2024;

прошла рецензирование: 08.09.2024;

принята в печать: 16.09.2024.

Received: 18.05.2024; Revised:

08.09.2024; Accepted for publication: 16.09.2024.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

РГГУ, РАНХиГС (Москва, Россия).

antonov-dmitriy@list.ru

ORCID: 0000-0002-8081-4420

Советские иконы — явление, открытое и концептуализированное в последние годы. Это самые массовые религиозные артефакты, кустарно создававшиеся в эпоху СССР. Они представляют собой комплексные симбиотические объекты: моленные образки, помещенные в деревянный киот, украшенные ризами и сложным декором. Советские иконы — наследники икон-«киоток», которые массово распространились в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. Артефакты такого типа представляют собой «информационный контейнер» — в принципах их изготовления, функционирования, восприятия скрывается важнейшая информация о культурных стратегиях, религиозных практиках, социальных взаимодействиях и материальных реалиях эпохи. Создание и распространение советских икон требовало выстраивания множества теневых социальных сетей, а инструменты и материалы, которые использовали мастера, ярко отражали реалии советской провинции. До недавнего времени эти объекты не привлекали внимания

специалистов. В современной России они быстро исчезают — из-за доминирующего отношения к ним как к «устаревшим» предметам и «церковному мусору» их массово утилизируют. Комплексное изучение этих икон и социальных контекстов, в которых они существовали и продолжают существовать, — актуальная научная задача. Это не только выявляет религиозную и социальную специфику жизни советской провинции, но и помогает увидеть многие процессы, происходящие в современном городском и сельском обществе, определить и исследовать важные тенденции развития религиозной жизни как в храмовых и монастырских сообществах, так и в гораздо более широких социальных кругах — среди паломников, прихожан и людей, окказионально посещающих храмы. В статье описана история открытия советских икон, обоснована их материальная и социокультурная уникальность, а также рассмотрены постсоветские сценарии, в которые оказываются вовлечены эти артефакты.

Ключевые слова: советские иконы, религиозные практики, комплексные иконы, фолежные иконы, аффордансы

Soviet Icons and the Material Religion of the Communist Era

Dmitriy I. Antonov

Russian State University for the Humanities; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

antonov-dmitriy@list.ru

ORCID: 0000-0001-5387-9387

Soviet icons are a phenomenon that has been discovered and conceptualized in recent years. These are the most massive religious artifacts that were created during the Soviet era. They are complex objects: prayer images placed in a wooden case, decorated with chasubles and complex decor. Soviet icons are the heirs of the foil icons, which spread massively in the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th century. Artifacts of this type are an “information container” — the principles of their manufacture, functioning, and perception conceal the most important information about cultural strategies, religious practices, social interactions, and the material realities of the epoch. The creation of Soviet icons required the construction of many shadowy social networks. The tools and materials that Soviet craftsmen used mirrored the realities of the Soviet village. Until recently, these objects did not attract the attention of specialists. In modern Russia, they are rapidly disappearing — perceived as “outdated” objects and “church garbage” they are being disposed of. A comprehensive study of these icons and the social

contexts in which they existed and continue to exist is an urgent scientific task. It helps to reveal not only the religious and social specifics of the Soviet province, but also many processes taking place in post-Soviet urban and rural society. This work explores important trends in the religious life of church and monastery communities, and in much broader social circles — among pilgrims, parishioners and people who occasionally visit churches. The article describes the history of the discovery of Soviet icons. The author also focused on the material, social and cultural uniqueness of these artifacts, and examines post-Soviet scenarios in which they are involved.

Keywords: Soviet icons, religious practices, integrated icons, foil icons, affordances

С 2021 г. наша исследовательская группа занимается изучением советских икон — религиозных артефактов, кустарно создававшихся на территории СССР из специфических советских материалов. Проект, развиваемый в Центре визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ, за прошедшие годы охватил 17 регионов России, привлёк множество московских и региональных партнёров, позволил создать общероссийские сети по выявлению, описанию и изучению религиозных объектов советской эпохи. По сути, родилось направление, связанное с исследованием огромного пласта артефактов и связанных с ними практик, которые динамично развивались с 1930-х до 1990-х гг.

Иконы такого типа не просто «наивное искусство» или деревенское ремесло. Это сложноорганизованные комплексные объекты, каждый из которых оказывается «информационным контейнером», хранящим информацию о материальных, социальных и религиозных контекстах советских десятилетий. В локальных сообществах такие иконы играют также роль «контейнеров памяти» — взаимодействие с ними и разговор о них провоцирует воспоминания, порождает множество нарративов, связанных с прошлым (людьми, предметами, обрядами). Наконец, в своей морфологии и в технологиях изготовления советские иконы оказались наследниками многовековых традиций Средневековья и Нового времени. Эти традиции интереснейшим образом преломились в новых социальных и материальных условиях, прошли через советскую эпоху, дожили до начала XXI в. и лишь на постсоветском пространстве начали быстро угасать.

Изучение советских икон открыло путь к исследованию материальной религии XX в. в широком историческом и культурном контексте. В этой статье я расскажу о том, как начинался и развивался наш проект, в чем специфика уникального явления, которое получило название «советская икона», в каких ракурсах оно изучается сегодня и каковы перспективы этой работы.

Открытие советских икон

В 2021 г. мы с коллегой Дмитрием Дорониным и моими студентами изучали вернакулярные религиозные практики на юге Нижегородской области — регионе, связанном с культом Серафима Саровского, где религиозные традиции активно поддерживались и развивались в советские годы. Экспедиция прошла удачно, но самое большое открытие случилось уже после того, как она закончилась.

Когда мы разъехались, мой коллега задержался в Нижегородской области и через несколько дней позвонил мне в Москву, произнеся фразу, которая дала старт нашему многолетнему проекту: «Они жгут их “газелями”!». Речь шла о рукодельных иконах в деревянных киотах, которые мы встречали повсеместно и на которые, — как и многие коллеги, — смотрели без особого интереса. Украшенные бумажными цветами, восковыми ягодками, ризами из фольги, эти иконы казались привычной частью сельского мира. Однако в последние годы во многих местах хранения их стало явно меньше. Причины этого Дмитрий узнал, общаясь со знакомыми в одном из храмов: незадолго до нашего приезда они собрали сотни икон советской эпохи с источников и часовен (где эти артефакты скапливались на протяжении 2010-х гг.), загрузили в «газели» и привезли в церковный сарай. После этого прихожане развели у храма костер и целый день сжигали иконы, закапывая стекла и другие не сгоравшие элементы, пока не устали от этой долгой и тяжелой работы. В сарае осталось лежать около 40 икон, за которые хотели приняться в скорейшем времени. Сожжение было не частной инициативой, а решением священства — часовни нужно было разгружать от скопившихся икон, которые годами приносили туда люди, избавляясь от своих домашних образов. В последние десятилетия творения советских мастеров стали воспринимать как устаревшие и ненужные — хозяева (часто наследники, дети умерших владельцев дома) заменяли рукодельные иконы на покупные, печатные. Советские иконы

начали пропадать сперва из частных домов, а затем из часовен и церквей, куда их относили и где их годами складировали.

Поняв, что происходит, мы оба в течение нескольких минут телефонного разговора изменили свою оптику и отношение к привычным «сельским иконам». Перед нами открывалась целая традиция, связанная с религиозной культурой, историей СССР и постсоветской России — традиция малоизвестная, неизученная и стремительно исчезающая. Кто и как изготавливал иконы в советские годы? Кем были мастера, как они овладевали ремеслом, откуда доставали материалы и инструменты? Как бытовали иконы, как сосуществовали с дореволюционными и как менялась их судьба на постсоветском пространстве? О чем могут рассказать сохранившиеся артефакты и их еще живущие создатели? Вопросы рождались один за другим, и уже через несколько недель мы отправились в первую экспедицию, посвященную исследованию советских икон, — из которой и привезли те самые, чудом не сожженные в нижегородской церкви «киотки» (одно из частых названий для рукодельных икон в деревянном киоте).

С тех пор прошло три года. За это время удалось решить множество задач, которые были нужны для первичного исследования советской иконы. Мы провели около 40 долгих и кратких экспедиций в 17 регионах России. Изучили морфологию икон и технологии мастеров. Записали сотни интервью с владельцами, создателями икон и их наследниками, сняли фильмы о процессе изготовления киоток. Вывезли из разных регионов более 600 артефактов и организовали в РГГУ работы по их разбору, изучению и консервации — под нашим руководством студенты отреставрировали таким образом около 300 икон. Нам удалось выявить и описать десятки региональных традиций в нескольких областях, а во многих случаях реконструировать историю их возникновения и развития. Восемь выставок советских икон прошли в Москве, Санкт-Петербурге, Талдоме, Переславле-Залесском, Твери и Нижнем Новгороде, еще серия выставок запланирована на ближайшие годы.

Параллельно шла исследовательская работа. Прежде всего, артефакты получили имя — «советские иконы». Название казалось многим провокативным, но чем глубже мы погружались в материал, тем лучше понимали, что оно неизбежно. В советские годы на территории СССР создавали иконы разного типа, в том числе традиционные темперные, фотографические (фотокопии, раскрашенные и наклеенные на картон в церковных мастерских Трои-

це-Сергиевой Лавры и Новодевичьего монастыря) и др., поэтому говорить об «иконах советской эпохи» было бы слишком широко и неверно. «Рукодельные иконы-киотки советских десятилетий» — самое краткое описание изучаемых нами артефактов. А их название — советские иконы — основано на том, что в отличие от своих дореволюционных предшественников и от современных подделок, эти иконы создавали советские мастера, используя в качестве инструментов советские вещи и пользуясь специфическими советскими материалами. Они выстраивали сети теневого взаимодействия, характерные для советской эпохи. Их ремесло развивалось под воздействием двух факторов: советской борьбы с религией и советского же дефицита товаров. Антропология этого явления, его исторические и материальные особенности неразрывно связаны с периодом коммунистической власти. Иконы, о которых идет речь, — это не только религиозный артефакт, но и *советская вещь*¹.

Религиозные практики советской эпохи — тематика, которую изучали с разных сторон многие исследователи. Церковь, ушедшая в «подполье»; вернакулярные практики, сменившие храмовые обряды; народные религиозные специалисты; моленные тетради и православный самиздат; трансформации сакральных локусов в советские годы — все эти темы рассмотрены в статьях и книгах А. А. Панченко, А. Б. Мороза, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Беглова и других коллег. Драматичный, кризисный, экстраординарный период, который переживали религиозные институты, сообщества, верующие люди на территории СССР, привлекал в равной степени историков, религиоведов, антропологов и фольклористов. Но парадоксальным образом советские иконы — самые массовые православные артефакты эпохи СССР, с созданием и бытованием которых было связано множество социальных и религиозных практик — оказались не исследованы. Нужно было прояснять генезис и особенности огромной традиции, которая развивалась в 1930-е — 1980-е гг. и фактически определяла материальную религию многих советских регионов².

1. О морфологии и биографии советских вещей см., к примеру: *Соснина О. А., Скорин-Чайков Н. В.* Дары вождям. Каталог выставки. М.: Пинакотекa, 2006; *Голубев А.* Вещная жизнь. Материальность позднего социализма. М.: НЛО, 2022; *Сальникова А.* История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку. М.: НЛО, 2024; и др.
2. До начала нашего проекта вышло лишь несколько статей, где речь шла о фольклорных иконах отдельных регионов, причем как советских, так и современных, без

В 2021–2023 гг. мы изучали историю советских икон — от появления киоток в Российской империи XIX в. до их «переизобретения» в эпоху СССР и рождения локальных традиций во второй половине XX в. Была разработана типологизация мастеров, описаны биографии и специфика работы некоторых из них. Мы проследили постсоветскую судьбу артефактов и сценарии, которые происходят с ними сегодня — в том числе особенности их утилизации. Советским иконам было посвящено около 20 статей, а также кандидатская диссертация Дмитрия Доронина (на нижегородских материалах)³. Кроме того, в 2022 и 2023 гг. вышло две книги с альбомными частями, посвященные советским иконам Нижегородской области⁴. Все это помогло разобраться в этнографии, истории, материальных и художественных особенностях явления.

Этот тематический выпуск журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» выводит исследования на новый этап. Мы уже не станем говорить об общих вещах — я лишь вкратце упоминаю их в этой статье — но перейдем к теоретическому анализу, который будет проводиться с помощью разных исследовательских оптик. Наши построения основываются на материалах, накопленных за годы исследований. При этом каждая статья затрагивает вопросы гораздо более широкие, — связанные не только с советскими иконами, но с материальной религией

различия их специфики (см., к примеру: *Горюшкина Л. П.* Украшение икон: люди и традиции (по материалам Тамбовской экспедиции 2018–2020 гг.) // *Деревенские святыни: сб. ст., интервью и документов / публ. подгот. Е. В. Воронцова, А. Н. Алленов, В. С. Елагина, Е. А. Коршикова.* М.: Изд. ПСТГУ, 2021. С. 59–66). Дореволюционным фолежным иконам было посвящено гораздо больше работ — хотя и их специфика была освещена лишь фрагментарно.

3. Ключевые работы: *Антонов Д. И.* Советские иконы как исследовательский проект // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология».* № 9, 2022. С. 155–164; *Антонов Д. И., Доронин Д. Ю.* Советские иконы: тематический опросник для исследования локальных традиций // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология».* 2023. № 9. Ч. 2. С. 162–171; *Антонов Д. И., Доронин Д. Ю.* Советская икона: от рождения до «похорон» // *Живая старина.* 1, 2022. С. 29–33; *Антонов Д. И., Тюнина С. М.* Постсоветская судьба «советских икон» // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология».* № 4, 2022. С. 94–109; *Доронин Д. Ю.* Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология».* 2022. № 4. С. 70–93; *Доронин Д. Ю.* Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология».* 2024. № 2. С. 35–60.
4. *Антонов Д. И., Доронин Д. Ю.* Иконы советской эпохи: лики традиции. М.: Индрик, 2022; *Антонов Д. И., Доронин Д. Ю.* Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023.

на Руси / в Российской империи, с современными семиотическими идеологиями, стратегиями взаимодействия с религиозными артефактами и т. п.

Советские иконы как «информационный контейнер»

Изучение советских икон подводит нас к широкому кругу вопросов. Это не только сложный религиозный артефакт, интересный своей морфологией, генетикой и художественными особенностями, но и важнейший социальный и культурный феномен. Роль этих икон в поддержании религиозной жизни в СССР сложно переоценить — во многих регионах России они были доминирующим религиозным объектом на протяжении второй половины XX в. После исчезновения СССР роли советских киоток и связанные с ними практики начали быстро меняться. Социальная биография икон усложнялась, но по-прежнему ярко отражала многие процессы, происходящие в российских локальных сообществах, — не только в церковных и монастырских, но и в гораздо более широких социальных кругах — среди туристов, паломников, антикваров, покупателей старых сельских домов и т. п.

Советская икона — симбиотический объект: изображение (одно или несколько), помещенное в деревянный киот, украшенное ризами и декором. Это прямой наследник икон-«киоток», которые массово распространились в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. Религиозные артефакты такого типа создавали в разных частях христианского мира. Они привлекали внимание многих европейских специалистов, так как в принципах их изготовления, функционирования, восприятия скрывается важнейшая информация о культурных стратегиях, религиозных практиках, социальных взаимодействиях и материальных реалиях эпохи.

В создании икон в советские десятилетия были задействованы разные акторы: от провинциальных фотографов и работников заводов до плотников и мастеров-«образовников». Возникали теневые социальные сети, которые позволяли изготавливать и распространять эти артефакты. «Биография» таких икон множеством нитей переплеталась с культурными, социальными и материальными реалиями советской провинции. Сложный ассамбляж советских икон представляет собой «информационный контейнер», хранящий сведения о культурных контекстах, в которых создавались и бытовали религиозные предметы в коммунистическую эпоху.

Советские иконы — связующее звено между уничтоженным и угасшим дореволюционным иконным промыслом и распространившимися на постсоветском пространстве печатными и писаными моленными образами. Провинциальные мастера пронесли через коммунистические десятилетия многие практики и принципы создания симбиотических икон — сегодня реплики / стандартизированные подобию таких икон создаются на православных предприятиях (Софрино и др.) как особый, по-прежнему востребованный вид продукции.

Советские иконы — наследники не иконописной традиции, а традиции изготовления комплексных религиозных объектов, прежде всего икон-киоток XIX в. Принцип, положенный в основу этих дореволюционных икон, — имитация: домашний моленный образ украшали такими способами, чтобы он походил на богатую храмовую икону в металлическом окладе, увешанную дарами. Мастера помещали в киот хромофотографическую или писаную иконку, ризу из фольги и многочисленные декоративные элементы. Владельцы икон могли добавлять туда церковные/ритуальные предметы (чаще всего — венок невесты и венчальные свечи). В результате рождались сложные симбиотические объекты. Советские иконы — их прямые наследники. В них в качестве основы использовали и писаные, и печатные, и фотографические иконки, однако ключевую роль играл не сам образок, а сложный комплексный объект, частью которого он становился. Мастера и заказчики советских лет унаследовали отношение к киоткам как к «настоящим» иконам: моленный образок называли «картинкой» и считали лишь элементом, необходимым для создания «иконы» — сложной бриколажной святыни.

Советская икона как социокультурный и материальный феномен сформировалась в результате советских антирелигиозных кампаний 1920-х — 1930-х гг. и разрушения церковной инфраструктуры. Легально изготавливать и распространять религиозные артефакты стало невозможно. Резкое изменение социального, политического, материального контекста привело к трансформации, пересборке промысла и рождению нового явления. В этот теневой промысел были вовлечены другие социальные акторы, в нем использовались другие материалы и технологии.

Советские иконы изготавливали и распространяли благодаря выстраиванию сложных взаимодействий и социальных связей («несуны», достававшие фольгу с заводов; нелегальные распространители фотографических иконок, зачастую игравшие роль

глухонемых, и т.п.). В этом советские иконы были похожи на другие «советские вещи», создававшиеся в эпоху дефицита товаров. В качестве моленных образов широко применялись не только дореволюционные писанные и хромолитографические иконки, но и новые типы изображений: фотографические иконы (изготовленные в церковных фотомастерских и менее качественные, тиражируемые местными фотографами), репродукции картин с религиозной тематикой, иконы наивного письма, созданные местными сельскими художниками, и др. Оклады и декор для икон изготавливали из материалов, которые можно было достать в ситуации товарного дефицита советской провинции, — в крупных городах контроль со стороны властей был более жестким, потребность в иконах меньшая, и мастера появлялись здесь крайне редко. Инструменты «изобретали», приспособлявая для этого различные советские вещи: шестеренки от будильников, ружейные патроны, крышки от одеколонов и т.п.⁵ Как при исследовании любых комплексных религиозных объектов, изучая материальность советских икон, мы получаем информацию о том предметном мире, который очерчивал, а отчасти репрезентировал и транслировал религиозные представления в анализируемый период.

Вернакулярные практики, связанные с советскими иконами, — это не только религиозные обряды: благословение жениха и невесты «венчальной парой», крестные ходы и т.п. (то есть практики использования икон). Это также и технологические практики изготовления артефактов, и практики взаимодействия между разными акторами их промысла, то есть практики производства. Их переплетение, взаимное влияние формировало «социальную биографию» и определяло «социальные траектории» каждой советской иконы. Акторная сеть, выстраивавшаяся вокруг икон-киотов, не только позволяла создавать и распространять необходимые ритуальные артефакты, но и выполняла важную интеграционную функцию: эта сеть постоянно актуализировала отношения между людьми, работавшими в разных сферах; надеялась символическим капиталом многих маргинализированных чле-

5. Анализ отдельных локальных традиций советских икон, их особенностей см. в: *Доронин Д. Ю., Завьялова А. И.* Цветы Липовки: ардатовская фолежная икона советского времени // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 2. С. 32–55; *Антонов Д. И., Доронин Д. Ю.* Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. С. 68–80.

нов сообщества (слепых, престарелых, инвалидов, занимавшихся иконным промыслом) и т. п.

Советская икона является «слепком», «оттиском» множества культурных и религиозных практик. Как и типологически схожие объекты Средневековья и Нового времени, такие иконы находились в центре переплетающихся социальных и религиозных взаимодействий. Процесс их создания определял пути распространения материалов и способы работы с ними, а морфология этих артефактов задавала траектории для дальнейшего акционального и сенсуального взаимодействия с ними. Советские иконы воспринимали и описывали через материальные особенности их сложного комплексного «тела», которое, в свою очередь, менялось: старело, обновлялось и подлежало дезинтеграции при пересборке или ритуализированной утилизации.

От церковного амбара к федеральному музею: постсоветские сценарии

Начиная с 1990-х гг. советские иконы перестали быть самым массовым и доступным видом моленного образа (каким они были во многих православных регионах СССР) и оказались в новом для себя контексте. Быстро развивающийся промышленный центр Софрино и другие предприятия начали массово создавать и распространять по храмам печатные иконки, которые с годами становились всё качественнее, ярче и разнообразнее. Некоторые из них копировали иконы в металлическом окладе, как делали это и сами советские иконы, — для этого использовалась уже не фольга, а пластик, окрашенный серебристой или золотистой краской. Появились и промышленно изготовленные иконы-киотки в деревянных ящичках за стеклом, с типовыми украшениями из пластика — морфологические подобию рукодельных советских икон. Наконец, все больше художников осваивало технику иконописи и рынок постепенно насытился писаными иконами — более дорогими и более престижными, чем печатные.

Конкурировать с такими моленными образами советским иконам оказалось сложно. Они быстро очутились в самом низу иерархической лестницы — созданные без использования дорогих материалов и старинных технологий, распространяемые по знакомым, а не через церковные лавки, они перешли в разряд «деревенских», «кустарных», низкостатусных. Их начали воспринимать как вещь устаревшую, вышедшую из употребления, усту-

пающую «новым», «современным» и «церковным» иконам. Это определило многие сценарии, в которые оказались вовлечены советские киотки: их замену на покупные иконы в частных домах; массовое складирование в храмах и монастырях, на часовнях и родниках; попытки их использования в церковном сообществе (развешивание в руинированных храмах, раздачу в качестве евлогий); наконец, их массовую утилизацию, которая началась во многих регионах в конце 2010-х — начале 2020-х гг.

Советская икона заключает в себе специфические материальные особенности, которые по-разному считывают и означивают люди, взаимодействующие с этими артефактами. Иногда диаметрально противоположные оценки конкурируют в сознании одного человека или в одной социальной группе. От того, какая система оценок начнет превалировать, зависят действия, которые будут предпринимать в отношении советских киоток. Эти вещественные особенности — своеобразные *аффордансы*, яркие триггеры для оценки артефактов.

Первый аффорданс — материалы, из которого созданы советские иконы. Их изготавливали из всего, «что можно было найти и как-то это приспособить» [М., 1974 г.р., с. Черепянь, Липецкая обл., зап. в июле 2023 г.]. Для декора пытались использовать всё новое, яркое и «городское» — часто это были школьные предметы, от цветной бумаги до материи пионерских галстуков. В этом плане советские иконы отражали не только материальный обиход села, но и круг «престижных» материалов. Иногда их собирали и копили, чтобы затем передать мастеру — как фолежные обертки и фантики. Иногда нелегально добывали и выменивали:

[Из чего вы и ваша тетя делали иконы?] Также вот из этой гофрированной бумаги, из фольги <...> когда фольги не было — продавался чай грузинский в упаковке <...> в этой упаковке была фольга. <...> Это все складывалось, фантики складывались, обертки. Что было красиво, то хранилось. [С сожалением:] Это сейчас на это внимания никто не обращает [Ж., 1965 г.р., с. Ломовка, Нижегородская обл., зап. в сентябре 2021 г.].

Однако начиная с 1990-х гг. прежний статус утратили практически все эти вещи. В современных реалиях их часто означивают как профанные и как «мусорные». «Иконы из фантиков» оценивают негативно, сравнивая их и с писаными, и с печатными. К ним пренебрежительно относятся искусствоведы и работники

музеев, для которых икона в XX в. стала синонимом живописного образа, а не комплексным объектом⁶:

[Иконы советских лет из фольги вы редко встречаете?] Не видела. Даже не знаю где. Я говорю, у нас сейчас, у нас же вообще иконописью все занимаются, у нас больше сохраняют и берегут рукописные иконы. Их реставрируют. <...> А такие, они... Это нам неинтересно, потому что мы сами художники, всё что хочешь нарисую. Я сама отработала главным художником, и я двадцать четыре года писала иконы. Я всё могу написать, вот что хочешь напишу <...> Вот это вот всю это подделку — это неинтересно [Ж., 1975 г.р., директор художественного музея, г. Мстёра, Владимирская обл., зап. в апреле 2023 г.].

Так же относятся к ним и некоторые священники, полагая, что советские иконы отражают позорную страницу истории, когда Церковь преследовали, а иконы были сделаны из «мусора», — чем скорее избавиться от них, тем лучше⁷. Другие считают их просто неинтересными, не более чем «вырождением» фолежной иконы XIX в.:

Когда приносили, мы сжигаем обычно, потому что фотография, она уже пропадает, что-то такого вот такого интересного знаете, нет. Дореволюционные еще что-то наподобие были, из фольги делали, но там как-то уже какое-то искусство чувствовалось [М., священник, г. Анна, Воронежская обл., зап. по телефону в июле 2023 г.].

Однако те же самые особенности материалов — их низкостатусность в современном обществе, ассоциации с небогатым советским бытом — могут означиваться диаметрально по-другому. «Иконы из фантиков» для многих наших респондентов, включая священников, — свидетельство того, что в народе сохраняли веру в условиях гонений. Это не позорная, а важнейшая страница истории. Иконы, созданные из подручных материалов, нужно сохранять как наглядную память о людях, сберегавших

6. См. об этом статью, публикуемую в этом выпуске журнала: Антонов Д. И. Икона-«гнездо». История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киоток» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.

7. См. краткий и характерный комментарий: «Ну это же страшно» под фильмом о советских иконах на нашем YouTube-канале [https://www.youtube.com/watch?v=EGE8bWd61Eo, доступ от 14.11.2024].

религиозные традиции в страшные десятилетия⁸. Кроме того, материальность некоторых икон — узнаваемые фантики от конфет, чайная фольга и проч. — часто вызывает умиление, детские и семейные ассоциации: «Помню такие в деревне в детстве. Спасибо за воспоминания. Это часть нашей культуры. Смотрится красиво и как-то по-домашнему тепло»; «Эти иконы, созданные в годы государственного атеизма, такие душевные. От них какое-то тепло исходило»⁹.

Еще один аффорданс, заключенный в советских иконах, — их кустарное происхождение. Не только материалы, но и способ работы с ними — неровно раскрашенная фотокарточка, неряшливость, которая нередко возникала из-за неопытности мастера и т. п., — считаются как индексы, указывающие, что иконы были сделаны не профессионалами, а кустарями. Такая «неофициальность» вызывает у некоторых настороженность. На выставках в Санкт-Петербурге и Москве нас неоднократно спрашивали: «Кто благословлял этих людей на их деятельность?», «Были ли эти иконы освящены?» и т. д. В современном контексте такие практики кажутся обязательными, а их отсутствие делает иконы «сомнительными». Однако для тех, кто видит в советских материалах знак «сохранения веры», признаки ручного труда автоматически наделяются положительными качествами. Люди старались как могли.

Наконец, важнейшим аффордансом для разных оценок советских икон оказывается их старость/ветхость. Это качество переводит киотки в разряд *старых вещей* — а это, в свою очередь, вызывает широкий спектр разных оценок и практик, характерных для такого типа объектов. О том, что определяет такие практики и какие семиотические идеологии связаны со старыми вещами на постсоветском пространстве, пойдет речь в одной из статей нашей подборки¹⁰.

8. Ср.: «Здравствуйте. Спасибо большое Дмитрию Антонову и его коллективу за сохранение частички нашей истории, ни в коем случае нельзя забывать о том тяжелом для православных христиан времени, когда уничтожали иконы храмы и вообще что связано со Христом и религией». Комментарий с нашего YouTube-канала «Советские иконы»: [<https://www.youtube.com/watch?v=EGE8bWd61Eo>, доступ от 14.11.2024].
9. Там же. См.: [<https://www.youtube.com/watch?v=Zp41ablGjK8>; <https://www.youtube.com/watch?v=7GEn8rVKk1U>, доступ от 14.11.2024].
10. Антонов Д. И., Завьялова А. И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 136–163.

Биография советских икон переживала резкие повороты. Эти артефакты создавались как домашние моленные образы. В 1990-е гг., с массовым открытием/воссозданием по всей стране храмов и монастырей, их стали нести в церкви, и ненадолго они стали храмовыми образами. С развитием церковного производства они утратили свой статус и переместились в складские помещения, в часовни и на родники. Кое-где они пополнили собрания краеведческих музеев и частных коллекций, но чаще всего воспринимались как церковный мусор. Это вызвало практику ритуализированной утилизации: советские киотки начали массово сжигать, закапывая пепел и несгораемые элементы; хоронить на кладбище; погружать в озеро¹¹. Наконец, благодаря развитию нашего проекта, иконы оказались означены как неизвестное историческое и культурное наследие, в результате чего ими заинтересовались музеи. Из церковных амбаров и печей иконы переместились на экспозиции крупных федеральных площадок. Эти культурные сценарии ярко показывают, как рождаются и конкурируют разные семиотические идеологии и как меняются социальные сети, в которые включены религиозные артефакты.

* * *

Предлагаемая читателям подборка статей впервые позволит рассмотреть явление советской иконы с разных ракурсов, вписав их в широкие контексты.

Статья *Михаила Майзульса* «Святой коллаж: образы, реликвии и риторика небесного присутствия» посвящена католическим гибридным объектам — религиозным «коллажам» Средневековья и Нового времени¹². Принципы их создания и функционирования помогают понять многие религиозные практики, распространившиеся в североевропейских городских и монастырских сообществах. Как отмечает автор, взаимодействие с таким *mixed media* объектом не ограничивалось его созерцанием или молитвенными прикосновениями, но требовало множества действий: сбора материалов, украшений и реликвий, создания искусственных цветов

11. О практиках ритуализированной утилизации см.: Антонов Д. И. Колодцы и печи: ритуализированная утилизация освященных предметов в постсоветской православной традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 30–43.

12. Майзульс М. М. Святой коллаж: образы, реликвии и риторика небесного присутствия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 27–59.

и мелких фигурок, периодического подновления объекта, замену выпавших или пришедших в негодность элементов. Эти практики, а равно и особенности морфологии, роднят средневековые европейские гибридные объекты с советскими иконами.

Дмитрий Антонов в статье «Икона-“гнездо”. История комплексных святынь: от храмовых икон до советских “киоток”» рассматривает важные аспекты, связанные с бытованием и восприятием икон в православных традициях¹³. Автор показывает, что почитаемые моленные образа начиная с первых веков христианства представляли собой комплексные (симбиотические) объекты, неотъемлемой частью которых были украшения, дары, киоты и другие предметы. Они превращались в «расширенное тело» иконы, в элементы единой святыни. Восприятие иконы как «чистой живописи» сформировалось в XX в. в результате двух очень разных культурных сценариев — научной реставрации и массового уничтожения/изъятия церковных ценностей большевиками. В сжатые сроки это разделило городское и сельское сообщество — представители первого чаще всего рассматривали икону исключительно как *изображение*, в советской провинции икону продолжали воспринимать как *комплексный объект*. Благодаря этому советские иконы изготавливали как сложные композитные артефакты.

Статья *Дмитрия Доронина* «Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв.» посвящена материальным аспектам промысла расхожей иконы — как дореволюционной, так и советской¹⁴. Автор показывает, что расхожая икона каждого из исторических этапов промысла формировалась своими аффордансами: промысловыми, промышленными, конфессиональными, этническими и др. В статье рассмотрены природные аффордансы, связанные с началом промысла массовой иконы в позднее Средневековье, с периодом его интенсивного распространения во время русской колонизации новых земель и материально-технологические аффордансы позднего этапа развития промысла, включая советскую эпоху. Мастера советской иконы заимствовали у своих предшественников наиболее про-

13. Антонов Д. И. Икона-«гнездо». История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киоток» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.

14. Доронин Д. Ю. «Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв.» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 100–135.

стые технологии и дешевые расходные материалы, которые были частично переизобретены.

Статья *Дмитрия Антонова и Анастасии Завьяловой* «Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами» посвящена семиотическим идеологиям, которые задают контуры восприятия *старых вещей* в современном российском обществе¹⁵. Авторы выделяют пять ключевых идеологий — *историческую, антикварную, семейную, модернизирующую и идеологию «опасной вещи»*, — которые определяют разные способы означивания предметов и разные практики обращения с ними. Все они оказывают непосредственное влияние на людей, распоряжающихся советскими иконами, — модераторов, от которых зависит судьба этих артефактов на постсоветском пространстве. При этом представления о благодати, незримо присутствующей в религиозных объектах, усложняют представления и практики, связанные с «устаревшими» иконами.

Наталья Душакова в статье «“Всегда хранили ту самую икону”: воспоминания старообрядцев о практиках взаимодействия с иконами в советское и постсоветское время» рассматривает нарративы о домашних моленных образах, собранные среди старообрядцев Северо-Западного Причерноморья¹⁶. Автор анализирует роль, которую играют иконы в сохранении и трансляции семейной памяти. В фокусе внимания оказываются практики, которые были связаны с иконами в условиях антирелигиозной политики СССР, а также же их современные трансформации. Кроме того, речь идет об актуальных предписаниях, регламентирующих расположение икон в старообрядческом доме. Как показано в работе, пространство вокруг божницы выстраивается по определенным правилам, которые исключают появление там целого ряда обиходных предметов.

Елена Левкиевская в статье «Красный угол в крестьянском жилище: сакральные, информационные и коммуникативные функции» прослеживает эволюцию структуры русского красного угла

15. Антонов Д. И., Завьялова А. И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 136–163.

16. Душакова Н. С. «Всегда хранили ту самую икону»: воспоминания старообрядцев о практиках взаимодействия с иконами в советское и постсоветское время // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 164–182.

от Средневековья к современности¹⁷. Как отмечает автор, помимо основной — моленной — функции он играл роль ментального и информационного центра. В XIX в. в его структуре четко выделялась «профанная» периферия, которая предполагала хранение здесь значимых вещей и носителей важной для хозяев деловой информации. Эти роли устойчиво сохранялись в XX в., благодаря чему в красном углу дома располагали радио, телевизор и другие предметы, отвечавшие за связь человека не с высшим, а с внешним миром. Там же хранили различные носители значимой для хозяина информации — как сакральной, так и социальной, имущественной, деловой.

Андрей Мороз в статье «Выносной крест и переходящая икона: реплики богослужебных практик в зоне католическо-православного пограничья и их динамика в позднесоветское и постсоветское время» обращается к анализу сельских обрядов, сложившихся в эпоху СССР¹⁸. Закрытие храмов и запрет похоронных процессий привели к тому, что в изучаемом регионе распространились специфические заместительные практики. Во-первых, это особое использование креста в погребальной обрядовости, во-вторых, почитание объекта, называемого *свечой* (реальной свечи или иконы), связанное с одним из церковных праздников и предполагающее перенесение реликвии из дома в дом. В советские годы эти обряды включали множество паралитургических элементов и, в определенном смысле, заменяли храмовые службы и конструировали сакральное пространство в селе. Автор прослеживает постсоветское развитие и трансформацию обеих практик.

В статье «Новогодняя елка и фолежная икона: неочевидное родство и социальные биографии» *Дмитрий Антонов* показывает, что рождественское дерево и икона-киотка, которые появились практически одновременно, в первые десятилетия XIX в., оказались близки по многим параметрам и порождали схожие

17. *Левкиевская Е. Е.* Красный угол в крестьянском жилище: сакральные, информационные и коммуникативные функции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 183–203.

18. *Мороз А. Б.* Выносной крест и переходящая икона: реплики богослужебных практик в зоне католическо-православного пограничья и их динамика в позднесоветское и постсоветское время // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 204–231.

практики — экономические, производственные и культурные¹⁹. Автор прослеживает, как неожиданно переплелись материальные и социальные биографии этих комплексных объектов в XIX в. и в советскую эпоху. Пережив десятилетия мощных антирелигиозных кампаний советской власти, икона и елка схожим способами адаптировались к новым материальным и культурным условиям. Их сближение усиливалось по мере того, как елочные украшения стали проникать в иконы-киотки, а затем и вытеснять традиционные элементы декора. Наконец, в постсоветской России судьбы, казалось бы, несхожих артефактов, советской иконы и советской елочной игрушки, вновь прошли общий путь — от презрения, забвения и уничтожения к изучению, коллекционированию и музеефикации.

В заключительной статье «Фолежные оклады брянской работы: к «материальному повороту» в современном российском религиоведении», *Иван Давыдов и Маргарита Сухова* анализируют приемы работы современных брянских мастеров, создающих иконы-«киотки». В фокусе внимания оказываются материалы, инструменты и тонкости технологий, в том числе способы производства деталей, из которых собирается киот. Это позволяет увидеть любопытные нюансы ремесла, проследить региональную и индивидуальную специфику работы советских и постсоветских мастеров.

Библиография / References

- Антонов Д.И.* Икона-«гнездо». История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киотов» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.
- Антонов Д.И.* Колодцы и печи: ритуализированная утилизация освященных предметов в постсоветской православной традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 30–43.
- Антонов Д.И.* Советские иконы как исследовательский проект // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. №9. С. 155–164.
- Антонов Д.И.* Новогодняя елка и фолежная икона: неочевидное родство и социальные биографии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 232–248.
- Антонов Д.И., Доронин Д.Ю.* Иконы советской эпохи: лики традиции. М.: Индрик, 2022.

19. *Антонов Д.И.* Новогодняя елка и фолежная икона: неочевидное родство и социальные биографии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 232–248.

- Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советская икона: от рождения до «похорон» // Живая старина. 1, 2022. С. 29–33.
- Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023.
- Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: тематический опросник для исследования локальных традиций // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. Ч. 2. С. 162–171.
- Антонов Д. И., Завьялова А. И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 136–163.
- Антонов Д. И., Тюнина С. М. Постсоветская судьба «советских икон» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 94–109.
- Голубев А. Вещная жизнь. Материальность позднего социализма. М.: НЛО, 2022.
- Горюшкина Л. П. Украшение икон: люди и традиции (по материалам Тамбовской экспедиции 2018–2020 гг.) // Деревенские святыни: сб. ст., интервью и документов / публ. подгот. Е. В. Воронцова, А. Н. Алленов, В. С. Елагина, Е. А. Коршикова. М.: Изд. ПСТГУ, 2021. С. 59–66.
- Доронин Д. Ю. Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 2. С. 35–60.
- Доронин Д. Ю. Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 70–93.
- Доронин Д. Ю. Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 100–135.
- Доронин Д. Ю., Завьялова А. И. Цветы Липовки: ардатовская фолежная икона советского времени // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 2. С. 32–55.
- Душакова Н. С. «Всегда хранили ту самую икону»: воспоминания старообрядцев о практиках взаимодействия с иконами в советское и постсоветское время // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 164–182.
- Комова М. А. Иконное наследие Орловского края XVIII–XIX веков. М.: Индрик, 2012.
- Левкиевская Е. Е. Красный угол в крестьянском жилище: сакральные, информационные и коммуникативные функции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 183–203.
- Майзульс М. М. Святой коллаж: образы, реликвии и риторика небесного присутствия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 27–59.
- Мороз А. Б. Выносной крест и переходящая икона: реплики богослужебных практик в зоне католическо-православного пограничья и их динамика в позднесоветское и постсоветское время // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 204–231.
- Сальникова А. История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку. М.: НЛО, 2024.
- Соснина О. А., Ссорин-Чайков Н. В. Дары вождям. Каталог выставки. М.: Пинакотека, 2006.